Г.Е. Лебедева

А.С. ПАВЛОВ И К.Э. ЦАХАРИЭ ФОН ЛИНГЕНТАЛЬ

К уже опубликованным архивным материалам, относящимся к творческой биографии выдающегося канониста А.С. Павлова, ныне можно присоединить два письма ученого, найденные нами в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук¹. Письма адресованы И.А. Бычкову, сыну академика А.Ф. Бычкова, который возглавлял Археографическую комиссию при Императорской Академии наук. Они проливают свет на историю написания А.С. Павловым некролога, посвященного немецкому ученому К.Э. Цахариэ фон Лингенталю².

А.С. Павлов (1832–1898) и К.Э. Цахариэ фон Лингенталь (1812–1894) были современниками. Византийское право, во всей своей полноте представленное в изданиях К.Э. Цахариэ фон Лингенталя, дало возможность А.С. Павлову и другим ученым определить масштабы византийского влияния на развитие правовой мысли в славянских землях. При изучении научного наследия великого Павлова неизбежно возникает параллель с творчеством Цахариэ фон Лингенталя. В судьбе великого немецкого ученого и его российского коллеги немало общего. Оба они, работая в области исторического правоведения и следуя в своих штудиях сравнительно-историческому методу, направили свои усилия прежде всего на научное издание источников. К.Э. Цахариэ фон Лингенталь, как известно, сделал общим достоянием науки большую часть памятников греко-римского права, дав затем, по выражению А.С. Павлова, "блистательное раскрытие содержания этих источников в своей истории греко-римского права"3. Сам А.С. Павлов в свою очередь начал с критического издания старославянских текстов, в которых содержались переводы или переделки памятников византийского права. Наука обязана ему такими классическими, по оценке современников, изданиями, как "Первоначальный Славяно-русский Номоканон" (Казань, 1869), "Номоканон при большом Требнике" (Одесса, 1872; 2-е перераб. изд. М., 1897) и пр. 4 В деле критического издания памятников и их изучения А.С. Павловым было сделано так много, что его заслуги перед мировой наукой сопоставимы с научным вкладом К.Э. Цахариэ фон Лингенталя. А.С. Павлов прекрасно знал работы Цахариэ фон Лингенталя, о чем особенно ярко свидетельствует его пе-

¹ ПФА РАН. Ф. 764. Бычков А.Ф. Оп. 5. Ед. хр. 31. л. 26, 26об., 27; Л. 28, 28об.

² Павлов А.С. Русские поминки по Цахариэ фон Лингенталю // ВВ. 1894. Т. 1. С. 464—468.

³ Книги законные, содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные (издал вместе с греческими подлинниками и историко-юридическим введением А. Павлов, заслуж. ординарный проф. Импер. Моск. Университета). М., 1885. С. 1.

⁴ См.: Лебедева Г.Е. Из истории изучения канонического права в России. А.С. Павлов // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. С. 328–337.

реписка с А.Ф. Бычковым⁵. Цахариэ фон Лингенталь также внимательно следил за работами русского коллеги, о чем свидетельствует его переписка с действительным членом Императорской Академии наук А.А. Куником:

Großkmehlen bei Ortrand 18 Juni 1878

Verehrter Herr!

Da die griechischen νομοκάνονες und κανονάρια des XV. und der folgenden Jahrhunderte als Quelle ähnlicher slavischen Handbücher von Bedeutung sind, so habe ich angefangen, die betreffenden Notizen aus meinen Collectaneen und Handschriften zusammenzustellen, um zu sehen ob sie sich zu einer Abhandlung für die Akademie abrunden lassen. Allerdings aber finde ich schon jezt, daß meine Unkenntniß der russischen Sprache und Literatur mich hindern wird etwas Vollständiges zu liefern. Insbesondere muß ich bedauern die Arbeiten des A. Pavloff nicht würdigen zu können, welche einen Nomokanon dieser Art gründlich commentiren (Odessa 1872).

Es würde mich vorzugsweise interessiren das zu verstehen, was S. 26 (sub. 2) S. 32 (Anm. 3) in Text und Anmerkungen steht. Ich erlaube mir daher die ergebenste Frage, ob Sie mir wohl eine Ueberzetzung dieses Stückes auf meine Kosten fertigen und zusenden lassen können.

Lebt Pavloff noch und unter welcher Adresse würde ihn ein Brief von mir treffen?

Er citirt häufig den Nomokanon des Malaxus, und zwar so, daß es mir fast scheinen will, als ob derselbe oder doch Stücke desselben in Rußland publicirt worden seien. Ist dies der Fall? und unter welchem Titel und durch welche Buchhandlung könnte ich das Buch beziehen?

Ich lasse heute unter Kreuzband eine kleine Abhandlung für Sie abgehen, weniger in der Hoffnung daß sie Ihnen von Interesse sein könnte, als vielmehr zum Zeichen meiner Verehrung.

Mit dem Ausdruck derselben verharre ich

Ihr

ergebener

Dr. Zalingenthal⁶ Перевод:

Гросскмелен близ Ортранда 18 июня 1878 г.

Уважаемый господин [А.А. Куник]!

Так как греческие νομοκάνονες и κανονάρια XV века и следующих столетий имеют большое значение как источник подобных славянских кормчих, то я начал составлять соответствующие заметки из тетрадей и рукописей, чтобы по-

⁶ Медведев И.П., Таценко Т.Н. Письма К.Э. Цахариэ фон Лингенталя в архиве А.А. Куника // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. Т. И. С. 389–429. Письмо № 26. С. 419.

⁵ См.: Лебедева Г.Е. А.С. Павлов как издатель "Памятников древнерусского канонического права XI–XV вв." (в свете неопубликованной переписки ученого с академиком А.Ф. Бычковым) // Древнее право. М., 2000. 1(6).С. 183–187. Сами письма А.С. Павлова к А.Ф. Бычкову будут опубликованы в третьем "Архивов русских византинистов в Санкт-Петербурге".

смотреть, можно ли из них сделать статью для Академии. Однако я считаю уже теперь, что мое незнание русского языка и литературы не даст мне возможности создать что-то завершенное.

Особенно я сожалею о том, что не могу оценить работы А. Павлова, которые основательно комментируют Номоканон этого рода (Одесса, 1872).

Мне прежде всего хотелось бы понять, что написано на страницах 26 (сноска 2), 32 (примечание 3) в тексте и примечаниях. Поэтому я покорнейше Вас прошу на мои деньги подготовить перевод этого фрагмента и переслать мне.

Жив ли еще А. Павлов, и по какому адресу я мог бы отправить ему письмо? Он цитирует часто Номоканон Малахия именно в таком виде, что я почти уверен, что Номоканон или его фрагменты были опубликованы в России. Так ли это? И под каким заглавием, и в каком книжном магазине я мог бы получить эту книгу?

Сегодня я бандеролью отправляю для Вас маленькую статью, не столько в надежде, что она может быть Вам интересна, сколько в знак уважения к Вам.

Остаюсь преданный Вам и уважающий Вас

Д-р Ц. Лингенталь7.

Итак, очевидно, что А.С. Павлов и Цахариэ фон Лингенталь состояли в переписке. К сожалению, нам не удалось обнаружить их письма, розыски, по-видимому, следует вести в архивах Германии и в архивах Москвы.

И.П. Медведев в статье "Прощальное письмо Цахариэ фон Лингенталя к Российской Академии наук" замечает, что "почему-то смерть Цахариэ фон Лингенталя, по контрасту со смертью в 1909 году Карла Крумбахера, породившей волну некрологов, не вызвала в Петербурге откликов, даже А.А. Куник не посвятил своему давнишнему другу некролога. Единственный некролог (зато какой!) опубликованный в І томе "Византийского временника", исходит от москвича — от выдающегося русского канониста Алексея Степановича Павлова"8. Вслед за И.П. Медведевым мы охотно можем повторить: "Зато какой некролог!". Некролог прежде всего поражает своеобразием и совершенством формы, включая даже его названием "Русские поминки по Цахариэ фонъ Лингенталю".

Далее И.М. Медведев задается вопросами: «Почему все же не петербуржец оказался автором Некролога, опубликованного в "Византийском временнике", почему вопрос об этом должен был решать Л.Н. Майков и почему вообще Ернштедт должен был убеждать Куника в том, что некролог Цахариэ фон Лингенталю не может не присутствовать в "Византийском временнике", – во всем этом есть какая-то загадка»⁹.

В обнаруженных нами письмах, как нам представляется, содержится ответ самого А.С. Павлова на поставленные ученым – нашим современником вопросы. Приводим текст впервые публикуемых писем.

⁷ Перевод Г.Е. Лебедевой публикуется впервые.

⁸ Медведев И.П. Прощальное письмо Цахариэ фон Лингенталя к Российской Академии наук // От Древней Руси к новой России. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. РАН Я.Н. Щапова (в печати). Мы выражаем глубокую признательность И.П. Медведеву за представленную возможность ознакомиться с его еще неопубликованной статьей.

⁹ Там же.

16 августа 1894 г.

Достоуважаемый Иван Афанасьевич!

Редакция "Византийского временника", завербовавшая меня в свои постоянные сотрудники, возложила на меня обязанность написать для ближайшей книжки этого журнала некролог недавно скончавшегося юриста-византолога Цахариэ фон Лингенталя. Довольно близко знакомый с учено-литературными трудами покойного, я не имею почти никаких биографических сведений о нем, а без них никак нельзя обойтись в некрологе. Не можете ли Вы помочь мне в этом деле: указаньем какого-нибудь, более или менее обстоятельного некролога Цахариэ, каковых, конечно, не мало явилось в немецких журналах, особенно юридических. Если сами не можете, попросите от меня об этом Вашего Высокоуважаемого родителя, который, конечно, знал покойного, как чл[ена]-кор[респондента] нашей Академии наук, если не лично, то по тому представлению в Академию, на основании которого он был избран в упомянутое "звание".

Для меня было бы всего лучше, если бы Афанасий Ф[едороич] согласился послать мне дня на три один из немецких журналов с искомым некрологом. Я немедленно возвратил бы эту книжку под заказной бандеролью. В нашей университетской библиотеке иностранные журналы получают почти через год после абонемента, целыми партиями, как пересылаются книги. Аккуратно получается только Litterarische Zentralblatt, но там нет Цахариева некролога.

Словом: так или иначе помогите мне. Редакция меня торопит.

Крепко жму Вашу руку, не раз оказывавшую мне добрые услуги. Преданнейший и премного обязанный Вам

Павлов10.

2 сен[тября] 1894 г.

Глубокоуважаемый Иван Афанасьевич!

Некролог Цахарию уже послан мною в редакцию "Виз[антийского] Вр[еменника]", еще до получения Вашего письма из летней Вашей резиденции. Я решил построить статью специально так, чтобы она была чисто русскими поминками по незабвенному творцу истории византийского права. С этой точки зрения мне не было надобности излагать биографию покойного, я ограничился только указанием его заслуг для русской историко-юридической науки, чего не могут сделать соотечественники Цахариэ и вообще никто из иностранцев. Мне думается, что такой некролог получит особенную цену и в глазах немецкого ученого мира, если только моя скромная работа сделается частью известною, котя бы через посредство крумбахерова журнала.

Преданнейший Вам

Павлов11.

По-видимому, поручение редакции "Византийского временника" А.С. Павлову написать некролог Цахариэ фон Лингенталю объясняется тем, что отдать

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 764. Бычков А.Ф. Оп. 5. Ед. хр. 31. Л. 26, 26об., 27.

¹¹ Там же. Л. 28, 28об.

должное великому немецкому ученому по-настоящему глубоко, профессионально мог только великий русский ученый А.С. Павлов. Следует сказать, что в выборе автора некролога редакция "Византийского временника" не ошиблась.

Как видим, ученый не без колебаний отходит от привычной, традиционной формы некролога. Из признаний самого А.С. Павлова он все-таки получил возможность ознакомиться с немецким некрологом Цахариэ фон Лингенталя, который был опубликован в журнале Крумбахера. По-видимому, это случилось в период между написанием двух писем Алексея Степановича, отправленных И.А. Бычкову. Но даже это обстоятельство не повлияло на замысел автора: в написанном им некрологе почти отсутствуют биографические данные о Цахариэ фон Лингентале. Некролог очень трудно назвать некрологом, это скорее научная статья (кстати, так считал и сам А.С. Павлов), в которой ученый выступает как блистательный историограф, знаток научного наследия Цахариэ фон Лингенталя. Эта статья А.С. Павлова, как и письма ученого, несет на себе печать незаурядной личности самого автора, характеризуют его как ученого и человека. Недаром современники в некрологах на смерть уже самого А.С. Павлова обращались к павловскому некрологу Цахариэ фон Лингенталя, оценивая научное наследие А.С. Павлова и его личность по той же ценностной шкале, по которой сам А.С. Павлов оценивал научное наследие и личность своего немецкого коллеги¹².

Статья-некролог А.С. Павлова, в которой дается столь четкая и краткая оценка научной деятельности выдающегося немецкого ученого К.Э. Цахариэ фон Лингенталя до сих пор не утратила своего научного значения. Она была напечатана в 1894 г. в I томе "Византийского временника", который давно стал библиографической редкостью. Поэтому мы считаем целесообразным, чтобы ее текст был заново воспроизведен в "Византийском временнике" как дань глубокого уважения к двум великим ученым¹³.

РУССКИЕ ПОМИНКИ ПО ЦАХАРИЭ ФОНЪ ЛИНГЕНТАЛЮ

Недавно из среды ученого германского мира смерть похитила слишком крупную и дорогую жертву, утрата которой, надобно думать, надолго будет чувствительна для историков и юристов всего мира: 22-го мая (3-го июня) текущего года скончался на 82-м году своей жизни знаменитый юрист-византолог Цахариэ фон Лингенталь, которого по своей справедливости можно назвать творцом научной истории византийского права и который в последнее время оставался почти единственным представителем этой специальности на Западе.

Как известно, ученая деятельность Цахариэ в избранной им области историко-юридических знаний состояла: во-первых — в критическом издании громадной массы источников византийского права, или вовсе до него неизвестных, или известных только в неудовлетворительных изданиях (Бонефидия, Леунклавия и др.); во-вторых — в тщательной разработке истории этих источников, в-третьих — в создании из них строго-научной системы византийского (преимущественно частного) права в его историческом развитии.

¹² Заозерский Н. Памяти проф. А.С. Павлова // Богословский вестник. СПб., 1898. № 9. С. 349–355.

¹³ Орфография приведена в соответствии с современной, пунктуация некролога оставлена без изменений.

Не наше дело, да теперь еще и не время, оценивать значение научных трудов Цахариэ с точки зрения общих интересов историко-юридической науки: это в свое время сделают другие и прежде всех, конечно, ученые соотечественники покойного. Но и на нас, русских, лежит прямой и непременный долг почтить память великого труженика науки благодарным указанием на те его труды, которые несомненно содействовали и долго будут содействовать развитию и укреплению нашего исторического самосознания. И в самом деле, кто из русских историков-юристов может усомниться в том, что многие из открытий, сделанных Цахариэ в области истории византийского права, пролили обильный свет и на историю нашего отечественного права, в развитии которого право византийское участвовало, как один из самых могущественных факторов? Конечно, сам Цахариэ прямо не задавался целью служить русской историко-юридической науке; тем не менее и он, по самому существу дела, хорошо сознавал и в письмах к своим друзьями и почитателям в России и Греции не раз высказывал, что он работает в научных интересах не столько романо-германского, сколько грекославянского мира. И вот оправдание нашей, на посторонний взгляд, может быть, слишком узкой точки зрения на общепризнанные великие заслуги покойного юриста-византолога для истории права вообще.

Из массы источников византийского права, впервые открытых и изданных Цахариэ, или только вновь вышедших из его рук в более совершенном, т.е. критически очищенном виде, для русской историко-юридической науки особенный интерес представляют следующие два: 1) Эклога иконоборцев Льва Исаврянина и его сына Константина (ок. 740 г.). Она занимает первое место в издании Цахариэ, вышедшем в 1852 году под заглавием: Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. 2) Прохирон императоров Василия Македонянина и его сыновей Константина и Льва (870-879), напечатанный Цахариэ в 1857 году с обширными учеными пролегоменами, в которых на основании богатого рукописного материала, собранного издателем в разных библиотеках Европы, впервые дается критическая история как самого Прохирона, так и ближайших к нему по происхождению и содержанию официальных и неофициальных руководств к познанию законов византийской империи. Благодаря этим двум изданиям, мы впервые узнали, что такое изображают из себя две статьи древнего славяно-русского номоканона, несомненно служившие на Руси и у южных славян, в продолжение длинного ряда веков, источником действующего права, именно: 1) "Леона, царя премудраго (sic), и Константина, верною царю, главизны о свещении обручения и о иных различных винах" (в печатной Кормчей гл. 49) и 2) "Закона градскаго главы различны в четыредесятих гранех" (там же, гл. 48). Мы узнали, что первая статья есть Эклога – памятник законодательной деятельности не Льва Мудрого и сына его Константина, а других, более ранних соименных императоров, которых с церковной точки зрения никак нельзя назвать "верными царями", а во второй, не надписанной ничьим именем, увидели перевод позднейшего византийского юридического памятника, т.е. Прохирона Василия Македонянина. Далее, благодаря тем же изданиям Цахариэ, мы получили возможность правильно понимать смысл обеих этих статей славяно-русского номоканона, так как представляемый ими древнеславянский перевод греческих оригиналов, говоря вообще, весьма темен и во многих местах до бессмысленности искажен позднейшими переписчиками (особенно в "Главизнах" царей Леона и Константина). Наконец в тех же двух изданиях мы находим источники для разных древнеславянских и русских юридических компиляций, приспособленных к быту и воззрениям славянских народов, принявших из Византии начатки своей христианской культуры и цивилизации. Так Эклога послужила источником для известного "Закона суднаго людем", Эклога и Прохирон вместе (с прибавлением еще Земледельческого закона иконоборцев) дали содержание другой славяно-русской компиляции, носящей в рукописях заглавие: "Книги законные, ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем".

Наряду с изданиями источников византийского права, Цахариэ, как выше замечено, критически разрабатывал и их историю. Эта работа сначала велась им по частям, для каждого вновь изданного или только предположенного к изданию источника отдельно*. Но уже в 1839 году Цахариэ, после двухлетнего путешествия на Восток, где ему удалось не многим пополнить свой рукописный материал, собранный в предыдущие годы в разных библиотеках Западной Европы, напечатал связный очерк всей внешней истории греко-римского права под заглавием: Historiae juris graeco-romani delineatio cum appendice ineditorum. Труд этот, несмотря на свою сжатость, не только составил эпоху в современной его появлению литературе византийского права, но и до сих пор остается на высоте своего первоначального научного достоинства. Позднейшие труды того же содержания, принадлежащие французскому ученому Мортрёлю и немецкому Геймбаху, в существе дела представляют только расширенное изложение идей и подтверждение самостоятельных исследований Цахариэ. Нужно заметить, что в его Delineatio содержится мастерский очерк истории источников не только светского, но и церковного византийского права. Впоследствии он обратил на этот предмет особенное внимание и дал ученому миру, прежде всего русскому, три капитальные работы по истории греческих номоканонов, напечатанные в Мемуарах нашей Академии наук под заглавиями: 1) Die griechischen Nomokanones (1877); 2) Die Handbücher des geistlichen Rechts aus den Zeiten des untergehenden byzantinischen Reichs und der türkischen Herrschaft (1881); 3) Über den Verfasser und die Quellen des (pseudo-photianischen) Nomokanon in XIV Titeln (1885). Все эти монографии основаны в главнейших частях своих на источниках первой руки (преимущественно рукописных) и потому носят на себе неизгладимую печать оригинальности, поражая читателя сколько блестящим остроумием, столько же и неистощимою эрудицией своего автора. Через два года по выходе в свет последней из указанных монографий Цахариэ напечатал еще в "Известиях заседаний философско-исторического отделения Берлинской королевской Академии наук" новую работу в том же роде, посвященную разъяснению темной истории греческого канонического Синопсиса, т.е. сборника церковных правил в сокращенном тексте. И здесь русский канонист найдет не мало чему поучиться.

Все труды Цахариэ по изданию источников византийского права и разработка их истории были только приготовлением к капитальнейшему его труду — внутренней истории этого права. Она, как известно, имела три издания. В первом издании (1864 г.) это была собственно историко-догматическая система одного только частного или гражданского византийского права. В следующих двух изданиях (1877 и 1892 гг.) Цахариэ присоединил сюда еще процессуальное и уголовное право. Точкою отправления в историко-догматическом изложении отдельных институтов каждой из указанных ветвей византийского права служит для автора Юстинианово право; затем он следит за дальнейшими видоизменениями этого права, совершавшимися под влиянием новых условий социальной и политической жизни византийских греков, и доводит свое исследование до новейших времен, изображая состояние данного юридического института у

^{*} Подробный обзор работ Цахариэ по истории источников византийского права до 1865 года можно найти в русском сочинении Августа Энгельмана "Об ученой обработке греко-римского права с обозрением новейшей его литературы".

нынешних греков турецкой империи и независимого эллинского королевства (отчасти также и у румын). Последнее (третье) издание "Истории греко-римского права" Цахариэ, вышедшее только за два года до смерти автора, когда он страдал уже неизлечимым пороком сердца и почти совсем лишился зрения, конечно, не представляет такой переработки второго, каким это последнее является по отношению к первому. Тем не менее автор в предисловии к третьему изданию имел полное право сказать, что оно, сравнительно со вторым, должно быть названо "улучшенным", так как в нем сделаны разные исправления и дополнения. В особенности он указывает на вторую часть третьей книги, где трактуется о поземельной собственности, как на такой отдел своего труда, который подвергся существенной переработке. Действительно, стоит только сравнить указанные места в том и другом издании, чтобы убедиться, как неутомимо и плодотворно работал Цахариэ даже при тех тяжких личных обстоятельствах, в каких находился он в два последние года своей жизни.

Вслед за автором немецкого некролога Цахариэ, напечатанного в последней книжке Крумбахерова византийского журнала (Byzantinische Zeitschrift, Bd. III, Heft, 4, S. 647), не может не выразить сожаления, что упомянутые недуги старости не дозволили Цахариэ обработать историю публичного византийского права в такой же полноте и связности, в какой вышла из-под его мастерского пера история частного права. И это – скажем словами того же некролога – "тем более достойно сожаления, что некоторые специальные работы Цахариэ по истории государственного права Византии доказывают, как искусно умел он открывать нити, связывающие публичное право с частным, и как хорошо сознавал необходимость объяснять исторические явления в области одного при помощи явлений в области другого". Для нас, русских, история греко-римского права Цахариэ, кроме своего общего высоко научного значения, важна еще и в том отношении, что она дает нам возможность ясно видеть, какие перемены потерпели те или другие элементы византийского права, перенесенные на русскую почву и поставленные под влияние особых условий русской жизни.

Вообще о задачах, какие открылись для русской историко-юридической науки со времени появления в свет ученых трудов Цахариэ по истории византийского права, мы позволяем себе повторить слова, сказанные нами в предисловии к своему изданию славянского и греческого текста вышеупомянутых "Книг законных". В деле разработки истории византийского права у славян вообще и в России в особенности – писали мы там – "нужно начинать с того же, с чего начал и Цахариэ в своем деле - с критического издания славянских текстов, в которых были приняты и в продолжении многих веков употреблялись у славян источники византийского права; с тем вместе должна идти разработка и так называемой внешней их истории, т.е. разрешение вопросов о времени и месте появления того или другого источника в славянском переводе, о способах его распространения и употребления в данной стране и о тех переменах, каким он подвергался при этом в своем составе и редакции; затем уже должна следовать так называемая внутренняя история византийского права у славянских народов, задача которой – объяснить, насколько юридические нормы, содержащиеся в том или другом источнике иноземного права, привились к жизни принявшего их народа и какое вообще влияние оказали они на развитие и установление местной юридической догмы". Не будем теперь повторять, что до полного осуществления этих задач нам еще далеко. В настоящем случае мы указываем на это обстоятельство, как на верный залог благодарной памяти о Цахариэ настоящих и будущих русских историков-юристов, которым придется иметь дело с вышеуказанными задачами своей науки.

Да, Цахариэ не ошибался в том, где его ученые труды всего более должны находить читателей и почитателей. Русская Императорская Академия наук имела его в числе своих членов-корреспондентов и во всех знаменательных событиях его жизни (каковы докторские юбилеи) оказывала ему знаки высокого уважения. Афинский юридический факультет преподнес ему диплом на звание своего почетного члена. Ни здесь, ни там покойный не оставался в долгу: его учеными трудами не раз украшались страницы и русских академических, и греческих университетских изданий. И с каким живым интересом следил он за успехами византийских занятий в России и Греции! Как часто, узнав о появлении у нас какой-нибудь серьезной работы, имеющей своим предметом что-либо из области византологии, он и в письмах к друзьям, и печатно высказывал сожаление о том, что не знает русского языка! А в тех случаях, когда русская работа указанного содержания возбуждала в нем особенный интерес, он даже обращался с просьбою к своим корреспондентам в России дать ему краткий отчет об этой работе на каком-либо из тех языков, которыми он владел в совершенстве.

В заключение укажем на одну в высшей степени симпатическую черту в личном характере Цахариэ, как ученого. Он был чужд мелкого авторского самолюбия, свойственного мелкой ученой братии. Он не стыдился изменять свои мнения по частным вопросам избранной им специальности и в своих сочинениях не редко поправлял самого себя, иногда даже по указаниям со стороны: черта великого духа и высокого нравственного характера!

А. Павлов